

Александр Лебедев

Тая

<https://litres.ru/74064468>

SelfPub; 2026

Аннотация

Группа туристов занимается своим обычным делом: находится в труднодоступном месте вдали от помощи и цивилизации. Но что, если добавить в команду неопытную девушку из Москвы, да еще и бегущую от своих проблем, а горный участок реки сделать непроходимым для сплава, воду в ней — остатками расплавившегося космического тела или даже самого пришельца. Кто бы мог подумать, что первый контакт состоится в таких непростых условиях и состоится ли вообще? Мы же не вступаем в переговоры с муравьями или дельфинами, почему же решили, что сможем заинтересовать кого-то более развитого и очень не похожего на нас?

Александр Лебедев

Тая

Мы ждали от них помощи.
Они же нас покинули
И первыми отправились на дно.
(из песни)

ДСП

Рапорт по форме М 42 о внештатной ситуации во время дежурства.

Сегодня, в четыре часа тридцать две минуты, станция дальнего обнаружения «Зонт 1596» выявила два космических тела, двигающихся по эллиптической орбите Земли тангенс 79 68'13». В связи с тем, что объекты не могли иметь земное происхождение (масса одного в восемьдесят раз превосходила массу другого), а предполагаемым местом падения стал ненаселенный горный участок. Мною было принято решение не поднимать войска по тревоге. Расчетным центром дважды была пересчитана наклонная орбита, что подтвердило мои предположения. Однако в Бийский округ ПВО была направлена команда «ветер», и базируемые там радиолокационные станции и противоракетные комплексы были

переведены в режим усиленного несения службы.

В 5:43 объект вошел в плотные слои атмосферы. В 5:58 крупный объект разделился на мелкие и в течение минуты был полностью разрушен. Меньший объект, приблизительная масса которого составляла около 24 тонн, опустился до 7200 метров, после чего исчез с экранов всех наблюдавших за ним РЛС (предположительно разрушился).

Последняя зафиксированная точка существования объекта 54 72'34» западной долготы и 71 12'80» северной широты, что соответствует Маргалинскому району Южного Алтая. К сожалению, получить визуальное подтверждение уничтожения космического тела не удалось, так как этот участок особенно непроходим и находится на достаточном удалении в глубь от государственной границы. Однако наряды 14,15,16,17 погранзастав Московского пограничного округа докладывали о ярком свечении в предрассветные часы и глухом ударе, похожем на отдаленный гром.

По моему предположению, космический предмет имел кометное происхождение, состоял из замерзшего газа и при вхождении в плотные слои расплавился, а затем нагрелся до температуры самовозгорания, что привело к взрыву и полному разрушению последнего.

Оперативный дежурный «Рубин — 410» — подполковник Малюга Л. А.

Пожалуй, нет такого человека, который не хранил бы в своей памяти запах железной дороги. Сергей Ларин, а попросту Лари, этот запах знал хорошо. В тот момент, когда он смотрел на убегающие за горизонт стальные нити, «железку» почти полностью перебивала першистая «Беломорина». Впрочем, как раз тогда Лари думал не о железной дороге. Его внимание привлекла хрупкая девушка в джинсах и топике, направляющаяся в его сторону. Ошибки быть не могло, она шла к нему и даже улыбалась, а когда оказалась достаточно близко, тихо пропела:

— Я не опоздала?

Лари только тогда заметил рюкзак-бочку за ее плечами, свернутую в трубу «пенку». Опыненный взгляд прошелся по снаряжению, автоматически выделяя недешевые туристические примочки. Лари складывал в уме условные единицы, а когда поднял взгляд до топики, картина уже сложилась, и он отметил, что перед ним не только эффектная, но и дорогая штучка.

— Нет, — издал утробный звук Лари. — Ты как нельзя кстати.

— А где остальные?

— Прячутся.

— Прячутся? — не поверила штучка.

— Да, тактика у нас такая.

Лари оторвался от парапета и, не растрчивая время на ухаживания, направился по перрону. Штучка засемила следом. Стоявший поезд оказался очень длинным, и идти до двадцатого вагона было далеко. Несколько минут спустя Лари подвел девушку к группе молодых людей, облепивших парапет.

— Вот, — объявил Лари. Он был горд своей спутницей и выглядел если не отцом, то по меньшей мере братом девушки.

— Ты — Вероника из Москвы? — недоверчиво спросил сухой парень, выступивший вперед.

— Да, — ответила штучка, кокетливо склонив голову.

Парень посмотрел на руки девушки и, не изобразив ни копейки доброжелательности, сказал:

— Ладно. У тебя свой билет, садись в поезд.

На щеки девушки брызнул румянец, кокетливая улыбка слетела с лица. Она по-военному повернулась и зашагала к дверям последнего вагона. Походка быстро становилась оловянной. Вероника сквозь джинсы ощущала дюжину мужских глаз, и чем сильнее пыталась придать шагу непринужденность, тем больше превращалась в механическую куклу. Наконец она забралась по крутым ступеням. Прохладный коридор бросил в жар, и Вероника почувствовала, как лицо стыдливо пылает.

Давно ее не рассматривали как породистое животное, давно не встречали по одежке. Вероника кусала губы, мысленно

ругая себя за то, что ввязалась в предприятие, досконально и тщательно не изучив детали. Теперь ей придется две недели терпеть компанию недоумков, доказывать, что она не лошадь, и терпеть снисхождение.

— Вещи убирать будете? — спросила полная женщина.

— Что? — не поняла Вероника.

— Я говорю, если вещи убирать будете — я встану.

Вероника схватилась за лямки рюкзака, но тут же подумала, что самое простое в ее ситуации — сойти с поезда. Вот так просто выйти, никому ничего не объясняя, и уйти. Через несколько часов она сядет на Московский поезд, а через день уже будет бродить по Арбату, рассматривая матрешек-президентов, а там... Там...

Вероника отпустила лямки.

— Нет, — сказала она себе. — Уходя, уходи.

Женщина поняла это по-своему и, равнодушно пожав плечами, углубилась в чтение журнала.

Вероника не хотела возвращаться. Она не хотела этого больше, чем терпеть плохую компанию, ехать неизвестно с кем, неизвестно куда.

Ее привлек шум с перрона. Она машинально посмотрела на часы и отметила, что до отправления осталось две минуты. Под окном замелькали разномастные рюкзаки, тюки, перетянутые резинками от эспандера, брезентовые чехлы. Перрон на секунду стал напоминать кадры из фильма о гражданской войне. Истошный вопль проводницы потонул в грохоте

падающих на пол предметов.

— Куда? Куда прешь? — летело из тамбура.

Вероника встала со своего места:

— Я сейчас приду, — сообщила она.

Лавируя между клетчатými сумками и торчащими из купе пятками, она боком пробиралась к выходу. В проходе сидел Лари, он безуспешно пытался стянуть рассыпавшуюся связку алюминиевых труб:

— Ты куда?

— Помочь, — невозмутимо ответила Вероника.

— А, ё-е! — простонал Лари.

Было непонятно, относится «ё» к Веронике или все дело в трубах, но в следующую секунду очередная лямка лопнула, и грохот наполнил коридор. Это на миг отвлекло проводницу, которая грудью стояла на защите вагона и вбивала в пол молодого человека в очках. Парень безуспешно втискивал красную пластиковую лодку. Лодка в вагон не входила. Она прочно застряла между тамбуром и туалетом, поворачиваться не хотела и упиралась в матовый белый фонарь на потолке. С каждым ударом проводницы парень пригибался к полу, он толкал красное тело, пытаясь согнуть его пополам. Однако шансы были неравными. Проводница превосходила своей комплекцией по меньшей мере вдвое. Единственное, что ей мешало выбросить молодого человека из вагона, была сама застрявшая лодка, и проводница довольствовалась нанесением коротких ударов.

Сообразив, что противник на некоторое время отвлекся, парень прыгнул на лодку. Лодка достаточно изогнулась и ввалилась в вагон. При этом раздавался хруст, стук и печальный звон посыпавшегося на пол оргалита.

— Караул, — закричала проводница. — Премии лишают.

Она метнулась к парню и, с трудом избежав соблазна задуть его на месте, исчезла в тамбуре. Вероника видела, как мелькнула за окном ее форменная рубашка. Всего через полминуты она явилась в сопровождении стрелков транспортной милиции. С улицы долетала перебранка, постепенно голоса становились вялыми, и, когда поезд тронулся, мужской голос сказал:

— Ну, что я теперь сделаю?

— Протокол составь, — настаивала проводница.

Вероника не слышала, чем закончился разговор, потому что была поглощена переноской вещей. Она поняла, почему ее попутчики решили прятаться и заносили вещи за несколько минут до отправления. Теперь их просто невозможно высадить, а задерживать поезд из-за тюка труб и пластиковой лодки никто не станет.

— Теперь я точно знаю, — довольно объявил парень, заносивший лодку, — что мой каяк в поезда заходит.

— Кто трубы связывал? — ныл Лари.

Компания была сильно возбуждена, и невольно всеобщее ликование передалось Веронике. Она стояла, опершись локтем на верхнюю полку, пока на нее не обратил внимание па-

рень, говоривший с ней на перроне.

— Садись, москвичка. Как тебя зовут?

— Вероника, — представилась девушка.

— Это мы уже знаем, — согласился парень.

— А еще?

— Что? Имя-отчество?

— Не-ет, — растянул он. — Мы тебя как будем звать?

— А зачем?

— Ну, знаешь ли. В походах не принято по имени. Вот, например, этого парня зовут Лари. Хотя никакой он не Лари, конечно, а Ларин Сергей и отвечает за топливо, потому что штатный поллитрук. Это — Доктор Педалис, — молодой человек показал на мускулистого парня. — Ясное дело, Доктор, по совместительству Педалис.

— А почему Педалис? — удивилась Вероника.

— Этого никто не рассказывает, — ответил Доктор.

— Опять же, почему?

— Потому что те, кто об этом знают, — молчат. Вот Лари знает, но рассказывать не станет. А ты уверена, что хочешь это узнать? Или нет. Так ли ты этого хочешь?

— Ой, уже не уверена.

— Это Паша, — парень повернулся к высокому чернявому парню, — но мы его привыкли называть «Говорящая голова». Он прекрасно ладит с огнем, поэтому отопление на его плечах. Оля — его супруга.

Вероника столкнулась взглядом с парой холодных серых

льдинок и уже поняла, что у нее стало на одну проблему больше. Существо, которое она первоначально приняла за молодого человека, действительно оказалось представителем прекрасного пола. На нем была ужасная пятнистая памама, а короткая стрижка и плоская грудь смотрелись рядом с Вероникой слишком по-разному.

«Вот я и нажила себе ненавистницу, — подумала Вероника. — Да, к таким встречам надо готовиться».

— Мы ее называем «Душа».

— Особенно после обеда, — добавил Лари.

— Но это не значит, что Оля — штатный повар. Функция эта у нас переходящая, а «Душа» скорее состояние, чем должность.

Вероника улыбнулась и поняла, что на многое готова, лишь бы затащить «Душу» в лагерь своих подруг:

— А с лодкой?

— С каяком? Это студент. Наш штурман и по совместительству разведка. Вот, пожалуй, и все.

— А тебя как зовут? — Вероника обратилась к парню, ведущему разговор.

— Все называют меня Кэп.

— Кэп — это в смысле капитан?

— И в этом тоже.

— Ну, тогда давайте за знакомство, — Вероника сняла с пояса блестящую фляжку. Она знала, что ее предложение тут же устранит проблемы общения с парнями, потому что

всем парням нравится, когда девчонка предлагает выпить. И в то же время создаст новые, потому что ни одной девчонке это не нравится. Тем более если предложение относится к ее парню или даже мужу.

Кэп принял из рук Вероники фляжку, отвернул крышку и демонстративно понюхал содержимое:

— Поведешься с вами — научишься пить всякую гадость, — он отпил несколько глотков и передал фляжку по кругу.

От Вероники не ускользнуло то, что Оля только пригубила, зато Паша долго и с удовольствием водил кадыком. Когда фляжка вернулась к ее владелице, на дне плескалось не более пары глотков.

— Что дегустируем, народ? — спросил возникший студент.

— Алкоголимся, — ответил Лари.

— А мне?

Вероника передала фляжку, и студент с интересом припал к горлышку.

— Хорошо, но мало. А чья бодяжка?

— Моя, — призналась Вероника.

— Понимаешь...

— Вероника, — подсказала она.

— Вероника, народ предпочитает более крепкие напитки.

— Например?

— Например, спирт, — сказал Кэп. — Поллитрук, — обратился он к Лари. — Разбодяженный есть?

Оказалось, что разбодяженный есть, но находится в самом дальнем рюкзаке. Пока рюкзак искали и переключивали вещи, на сцене появилась обиженная проводница. Она посмотрела билеты и принялась за составление акта. В конце концов, она совершенно успокоилась и даже попросила прощения.

— За что? — удивился Кэп.

— Как за что? — возмутилась проводница. — Надо было вам тамбурную дверь открыть, у меня ведь последний вагон. Это вы, ребята, дурны, а я пятнадцать лет езжу, могла бы и догадаться.

* * *

В поезде можно заниматься двумя вещами. Читать и спать. Если надоедает одно, можно перейти ко второму, если надоело второе, можно вернуться к первому. Разумеется, речь идет о занятиях, официально разрешенных МПС, но группа из пяти парней и двух девушек никогда правил не читали. Они занимались запрещенным на железнодорожном транспорте занятием, а именно пили спирт и закусывали его мелко нарезанным копченым салом. Время от времени они открывали банку кильки или скумбрии, а через полчаса бросали ее под откос, что также запрещено правилами. Попутчики из соседних купе страдали от компании мало. По утверждению самих молодых людей, они очень мало и тихо

пели, а распаляемые время от времени диспуты обрывались Доктором Педалисом. Он бесцеремонно забрасывал говорунов на багажную полку, не давая им слезть. А после того, как они самопроизвольно падали, последние вели себя тихо и смиренно.

Вероника наблюдала за происходящим спокойно. Ее не напрягали полупьяные и пьяные разговоры попутчиков. Она чувствовала себя в своей тарелке, а после того, как дала понять Паше, что считает его мужем Ольги и не намерена делить его внимание с законной супругой, взгляд последней потеплел.

Шутки в компании не отличались особой изысканностью. Любой из присутствующих мог свободно рассказать сальный анекдот, нисколько не беспокоясь о покрасневших ушах Вероники.

Вскоре она догадалась, что отношение к ней было заранее спланировано и оговорено.

Очевидно, Кэп дал подробную инструкцию, как надо вести себя с клиенткой. Ее совершенно игнорировали, как смазливую девчонку, и, по всей вероятности, это было связано с тем, что она является единственным членом команды, заплатившим за поездку.

Четыре недели назад Вероника появилась на страницах форума Рафт.ру. Увлеченная зажигательными рассказами о головокружительных путешествиях, она познакомилась с Кэпом или со Студентом. Уверена она не была, так как сти-

листика переписки и набор грамматических ошибок постоянно менялись. Тогда она не могла предположить, что окажется в компании «ублюдков», а именно так именовали себя водники-рафтеры.

Но жизнь порой преподносит неприятные и неожиданные сюрпризы, и такой произошел с Вероникой, человеком, в жизни которого не могло случиться ничего страшнее дождя.

— Будешь? — студент протянул свежую банку кильки.

— Нет, я скоро заквакаю, — пошутил Лари.

— А что, лягушки едят кильку?

— Нет, конечно, — сообщил Лари. — Они же не могут банку открыть.

— Скажите, ребята, — спросила Вероника, — а кто мне писал по «Аське»?

— Опс, — поперхнулся Доктор.

— Этого нельзя спрашивать, — сообщил Кэп.

— Почему?

— Пока мы в походе, компьютер и инет — темы запрещенные.

— Что, традиция такая?

— Такая, — согласился Лари, — глупая традиция.

— А о чем же можно говорить?

— О торсионных полях.

— Но я о них ничего не знаю.

— Никто не знает, поэтому и можно, — пояснил Кэп.

— Мы третий год пытаемся, но пока безуспешно, — за-

метил Доктор.

— А о чем успешно?

— О женщинах, — довольно объявил Лари.

— Ой, только не это, — запричитала Оля.

Проходивший по коридору мужчина остановился и с интересом заглянул в купе. Одетый по последнему слову туристической моды, он был приятным зрелищем. От сверкающих горных ботинок до навороченных часов с альтиметром мужчина представлял сочетание энергии и непоруганного достоинства.

— Вы же до Каранджи едете? — попытался он заговорить.

— Дальше, — ответил Кэп.

— Дальше? — удивился мужчина.

— Ну, что встал? — спросил второй незнакомец.

— Да вот ребята, я думал, с нами едут.

— С нами? — недоверчиво спросил неизвестный.

Его глаза равнодушно пробежали по присутствующим, но, как только взгляд коснулся Вероники, на лице появилась сальная улыбка:

— Значит, на лыжах покататься?

— Нет, — возразил Лари. Он отмерил две булочки в белую кружку и протянул «сверкающему». — Мы — водники.

— Мальчики, это последний вагон, — сообщила кудрявая девушка, одетая на манер дайка.

— Много вас там еще? — спросил Доктор. — Проходите, середина же свободна.

— Вообще-то, мы хотели пообедать, — сказал «сверкающий».

— До станции сбегать? — не поверил Лари.

— Нет, нам сказали, что здесь вагон-ресторан.

— Обычно он в середине поезда, — заметил Кэп.

— Вот надули.

Лари уже добавил два стакана к имеющейся кружке и протягивал их незванным гостям:

— За встречу, — объявил он.

«Сверкающий» без лишних уговоров опрокинул кружку и тактично занюхал кулаком. Он сделал это с достоинством, но уместил в движение иронию и улыбку.

Вероника отметила, что мужчина, в отличие от своего спутника, стоит в проходе, не пытается присесть или представиться и, если захочет уйти, то сделает это легко и непринужденно, не прощаясь и не объясняя причин.

Второй мужчина был одет более ярко, но от него не исходило того лоска и самодовольства, который излучал «сверкающий». Девушка походила на куклу с хорошо наложенным макияжем и прической. По какой-то причине ее одели в камуфлированные брюки, армейский свитер и черный берет с эмблемой егерского хозяйства. Она капризно понюхала спирт и села на краешек полки, держа стакан далеко от себя, как зажженный факел.

— Так куда вы едете? — спросил мужчина. — Все на лыжи?

— Курорты не для нас, — авторитетно объяснил Студент.

— Зря, — с сожалением сказал «блестящий», — на президента поглазели бы.

— Президент в такую дыру не поедет, — уверил Студент, — а потом... Чего на него смотреть? Если только как навернется?

Мужчина приуныл. Он явно не хотел развивать тему и обратился к Веронике:

— А вы катались на горных лыжах?

— Это же здорово, — сообщила «кукла». — Солнце, снег, а какие фотки? В прошлом году мы ездили в Швейцарию. Ну, со Скандинавией не сравнить: и сервис лучше, и горы не те, а Швейцария — это сказка. Не зря там Ленин прятался. Места сказочные, погода изумительная и тепло. Я в одном свитере ходила, а приехала, как с юга. Загорела, только не там, где надо.

— А надо было прозрачный костюм брать, — посетовал мужчина. — Давали ведь специально для загара.

— Ну, ты начинаешь, — ответила «кукла», — за ботинки, за лыжи, так еще и за костюм, а потом, под него купальник нужен.

— Ты бы без купальника, — смотря на Веронику, сказал молодой человек, — тогда немцы точно все сосны поносили бы.

— Они и так сносили.

— Ты Шульца имеешь в виду?

— И Шульца, и Мульца, и всех этих старперов, — девушка закинула ногу на ногу, к ее позе не доставало только сигареты.

— Так вы мне и не ответили, — молодой человек вновь обратился к Веронике. Для большей убедительности он взял ее за кончик мизинца, делая вид, что привлекает внимание и, одновременно наблюдая, не вызовет ли этот жест ревности среди парней.

— Нет, — ответила Вероника. Она сказала тем самым игривым субтоном, которым пыталась говорить с Кэпом на перроне, но слишком поздно заметила.

Она поняла это потому, что в купе стало как-то тихо. Ей показалось, что даже колеса стучат реже, а с полок и из коридора устремлены многочисленные взоры, полностью поглощенные Вероникой, и, что бы она ни сказала, они будут внимать и впитывать столько, сколько понадобится.

— Нет, — повторила она, — я не люблю лыжи. Мне нравится скалолазание. Тоже, кстати сказать, увлекательное занятие. Я в Измайловку ходила на скалодром и как-то раз сижу в туалете, а рядом девушка и не девушка даже — женщина уже в возрасте. Она мне говорит: «Девушка, а это вы сейчас на стенде тренировались?» «Я, — говорю, — а что?» «Ничего, — говорит она. — Мне тоже скалолазание нравится». Мы с ней давай разговаривать. Сидим, задницы грязные, а все про скалолазание. Так увлеклись, что я уже и забыла, зачем пришла.

— Ладно, — сказал «блестящий», он отобрал стакан из рук «куклы» и, поставив на столик, добавил: — Не обижайтесь, но нам действительно пора.

Молодой человек больше не проронил ни слова. Его руки давно потеряли Вероникин мизинчик, взгляд из слащавого превратился в глупо моргающий.

— Мы еще вернемся, — пообещала «кукла».

— Милости просим, — пригласил Студент и ехидно добавил: — Когда пообедать пойдете в ресторан, в последний вагон.

Пока «кукла» не сморозила дополнительную глупость, «блестящий» увлек ее по коридору. Все же до Вероники донеслись пара ругательств и что-то вроде: «За кого она себя принимает?»

— Ай да Вероника, — сказал Кэп, когда троица растаяла в коридоре. — Может, я поступаю неправильно, но очень хочу за тебя выпить.

— Почему за меня? — спросила Вероника.

— Я не знаю. Но если кто-то знает, пусть молчит, потому что язык до Киева доведет, а нам в другую сторону.

* * *

— Я на воде не пью, — пообещал Паша. — Я вообще не пью, если можно так сказать.

Несмотря на бодрые заверения, его покачивало, и Оля

поддерживала рослого парня, стараясь избежать увечья, если последний внезапно надумает «прилечь».

— И что нам с тобой делать? — хмуро спросил Кэп. — А? Поллитрук?

— А что с ним делать? — вопросом на вопрос ответил Лари. — Сдадим в багаж и отправим обратно.

— Оправдаю. Оправдаю напрасно оказанное доверие, — почти кричал Паша.

— В том-то и дело, — укоризненно говорил Кэп.

Он был явно не в духе, и от него разило нервозностью и беспокойством.

Доктор перебирал на коленях многочисленные распечатки и ксерокопии карт. Лари торопливо связывал вновь рассыпавшееся снаряжение. Пожалуй, только студент проявлял верх равнодушия. Он сидел на перевернутом каяке и рассматривал небо.

— Скоро поедет? — спросила его Вероника.

— Скоро, — охотно ответил студент. — Сейчас «таблетка» придет, и будем увязываться. Выдержишь, девочка моя? — спросил он, поглаживая пластиковый корпус каяка. — Вот и умница. Скоро мы с тобой поплывем. Скоро мы с тобой покатаемся.

— Скажи, студент, зачем ты этим занимаешься?

— Чем? — не понял студент.

— Каяком, водой?

— Как же иначе? Если я этим заниматься не буду, кто-

нибудь другой придет. Кто-нибудь другой будет водить мою ласточку по порогам, — студент вожаделенно провёл по корпусу, — а мы никого не хотим.

— Тебе не кажется, что у тебя крыша едет?

Студент оторвал влюбленный взгляд от лодки.

— Кажется? — удивился он. — Нет, не кажется. В прошлом году мы одну девчонку по «Белой» катали. Вот у кого башню снесло. Если не брать во внимание, что ее дома ждали муж и дети, а вместо недели она две прокатала. Не забуду, как бежит она за паровозом и кричит: «Стойте, парни, не уезжайте, мне с вами было так хорошо». Все губы в простуде, волосы всклокочены, а лицо прямо светится, ну дура душой.

— Где же она теперь?

— А я откуда знаю? Наверняка дома с мужем и кастрюлями.

— Мне почему-то страшно.

— Это пройдет. Как сядем на воду, обо всем забудешь. И чего боялась и кого любила.

— Скажи, а почему вы девушек... Как бы это сказать... Игнорируете.

— Тебя, что ли?

— Хотя бы меня.

— Хотя бы или тебя?

— Меня.

Студент перешел на шепот, хотя, если бы говорил громко, его вряд ли кто услышал:

— Кэп запретил.

— И любое его распоряжение выполняется?

— Пока мы в команде — любое.

— Но почему?

— Как тебе объяснить? Считай, что это деловая этика. Во-первых, ты едешь за деньги. Во-вторых, мы тебе гарантируем только приятные ощущения, а шуры-муры все-таки палка о двух концах. И в третьих, красивая, свободная и независимая — сочетание, опасное для любой команды.

К крохотному полустанку подъехал серый микроавтобус. Водитель недовольно поморщился, увидев гору рюкзаков и снаряжения. Он ярко жестикулировал руками, но под аргументом в виде яркой купюры уступил. Рюкзаки стали быстро исчезать в салоне. К крыше приросли длинные тюки и красная лодка, машина осторожно тронулась и, выпустив клубы белого дыма, покатила по дороге. Очень скоро она перешла в подъем, хотя из салона автомобиля казалось, будто дорога спускается, мотор сердито рычал и фыркал. Компанию, разместившуюся на рюкзаках, это нисколько не волновало. Появившееся в салоне пиво наполнило переезд увлекательной болтовней, и казалось, что даже Кэп перестал беспокоиться.

* * *

Шум воды очень напоминает людской гвалт. Кажется, что тысячи голосов сплелись в гортанных стенаниях, будто свя-

занные вместе человеческие тела получали плеткой от Бурхана. Их ропот то взлетает страдальческим писком, то опускается до рычащих басов.

Вероника уже знала, что Бурхан — это бог погоды, который в ближайшие несколько дней будет милостив и благосклонен. Паша вылил в реку спирт и произнес какие-то заклинания. Он посетовал, что у него нет молока, которым по правилам и надо поить реку, и, возможно, Бурхан напьется и начнет дурить, но, если такое случится, обещал его не похмелять.

— Хватит продукты переводить, — посетовал Доктор.

— Традиция! — отозвался Лари.

Он разводил спирт водой из реки, отчего тот казался зелено-голубым, а может, он так выглядел из-за пластиковой бутылки, Вероника не поняла. Она ощущала себя в гостях, будто шесть человек тщательно готовились к ее приходу, а она надела шапку-невидимку и теперь наблюдает, как для нее наряжают елку, вешают гирлянды и накрывают на стол.

На стол действительно накрывали. Оля готовила то ли обед, то ли завтрак. Ей помогал Паша. Доктор перекладывал снаряжение. Кэп, Лари и студент колдовали с катамараном. У них что-то не выходило, и Лари громко кричал, отчаянно жестикулируя. Кэп часто подкручивал у виска, а Студент изображал домкрат и, если получал нагоняй, то только за свое непробиваемое безразличие.

Вероника чувствовала себя неловко. Она сидела на рюкза-

заке и наблюдала за Олиной стряпней, время от времени задавала глупый неуместный вопрос или предлагала свою помощь. Казалось, будто Оля издевалась. Между ней и Вероникой так и не установилось теплых отношений, и, устав от неловких пауз, Вероника решила пройтись. Она пошла вдоль реки, осматривая противоположный берег. В отличие от того, по которому шла девушка, берег был крутым, не имел пляжа, сразу из воды круто поднимался вверх. На склонах росли одинокие ели, кривые карликовые березы и редкая поросль неизвестного кустарника. Вероника совершенно не думала о том, чтобы смотреть под ноги, и очень скоро поскользнулась на мокром камне. Она дважды взмахнула руками, наклонилась вперед и, поняв, что устоять уже не сможет, выбросила ладони, группируясь перед падением. Правая рука проскочила между камней, зато левая нашла хорошую опору и смягчила падение. Коленка чавкнула в лужу, и, поднимаясь, Вероника стряхивала с джинсов мокрое пятно. Ей показалось, будто кусты впереди неестественно зашумели, словно их шевелил не ветер, а продиравшийся человек. Она стояла в ожидании, когда поняла, что на нее смотрят. На нее смотрели из-за спины с того берега, и Вероника знала это совершенно точно. Она также знала, что, если резко обернется, смотрящий отведет взгляд и, скорее всего, ей не удастся его перехватить. Поэтому девушка с равнодушным видом нагнулась, подняла камень и, сильно размахнувшись, бросила его в воду. Нагибаясь в очередной раз, она скосила

глаза так, что у нее заломило переносицу, но ничего не успела рассмотреть. Упражняясь в глупом разбрасывании камней и бегло осматривая противоположный берег, Вероника поняла, что левая щека теплее правой и солнце тут совсем ни при чем. Она осматривала левую часть сопки, когда два голубых стеклышка блеснули в тени кустарника.

Она так и застыла с занесенной для броска рукой, потому что тут же потеряла это место и, сколько ни всматривалась, так и не смогла снова его отыскать.

— Тьфу, — Вероника бросила до сих пор лежавший в ладони камень и, не оборачиваясь, пошла обратно.

Она внимательно смотрела под ноги, и обратная дорога оказалась намного дольше. Когда Вероника подходила к лагерю, ее встретил недовольный Паша:

— Ты где была?

— Гуляла, — беззаботно ответила девушка.

— Больше так не делай.

— Почему?

— По кочану, — ответил Паша, не снимая маски раздражения. — Если захочешь погулять, бери кого-нибудь из парней. Захочешь в туалет — опять же, одна не ходи.

— Да что такое?

— Здесь медведей полно. Они, правда, уже неголодные и на людей не нападают, но все бывает в первый раз.

— Так, значит, это был медведь?!

Брезгливое выражение Паши вмиг сменилось испугом:

— Где?

— Там, — ответила Вероника, показывая на противоположный берег.

— А, там, — сказал он уже спокойно. — Ну, сейчас он не переберется. Слишком воды много.

— Что такое? — спросил подошедший Кэп.

— Вот, — нравоучительно сообщил Паша. — Москвичка с медведем познакомилась.

— И какой он?

— Не знаю, — ответила Вероника. — Я видела одни глаза.

— Как это, одни глаза? А остальное?

— Остальное спряталось. Да и далеко было.

— Так это не медведь, — улыбаясь сказал Кэп. — Это черный каякер.

— Кто это? — Вероника уловила иронию в голосе Кэпа.

— Потом расскажу, — Кэп довольно потянулся и, оглянувшись на Ольгу, спросил:

— Есть будем?

— Давно пора.

— Отлично, — Кэп сложил ладони рупором. — Народ! Жрать! Поллитрук, «здравствуй, речка».

Дважды повторять не пришлось. Расположившись возле догорающего костра, группа приступила к поглощению походной пищи, состоящей из сублимированного супа, для большей убедительности заправленного тушенкой, и гречневой каши с соевым мясом, которое Вероника приняла за

кальмаров.

— Душевно, душевно мне положи, — говорил Лари, подсовывая миску Оле.

— Поллитрук, налей мне так, чтобы я тебя об этом больше не просил. — Доктор обиженно заглядывал в кружку.

— Здравствуй, речка, — сказал Кэп.

— Здравствуй, речка, здравствуй, речка.

Последовало скупое чоканье, и на некоторое время над водой остались только звуки трущихся о дно ложек и шмыганье потеплевших от горячей пищи носов.

— Душевно, — сказал Кэп, опуская миску на камни.

— А как насчет чая? — спросил Доктор.

— Вон, — Оля показала на стоявший возле костра закрытый котелок.

— Кэп, будешь чай? — спросил Доктор.

— Нет, я кофе.

Кэп выглядел довольным или по меньшей мере спокойным. Он с удовольствием закурил, развернул планшет и прижал кружкой непослушные листы.

— Можно я задам вопрос? — сказала Вероника.

— Валяй, — разрешил Кэп.

— Зачем мы сюда приехали? То есть я хотела спросить, почему именно сюда?

Кэп многозначительно затянулся:

— Сюда, говоришь?

— Ну, хватит, ребята, я правду хочу знать.

Кэп перевернул планшет и, отсоединив несколько распечатанных на принтере фотографий, протянул Веронике.

— Мы здесь, — он показал кончиком сигареты в середину фотографии. — Это наша речка. Вот здесь сошла лавина. Это далеко, километров двадцать — двадцать пять, но... Семьсот тысяч тонн снега спустились до высоты в две тысячи метров над уровнем моря и в такое жаркое лето, как наше, активно тают. На этой фотографии видно, что запасы снега уменьшились, а это значит, что реки с ледниковым питанием обязаны подняться и это будет продолжаться, пока он весь не растает.

— Что из того?

— А вот, — Кэп довольно обвел окрестности. — Эта река не судоходна. Не проход, как говорится. Здесь никогда никто не сплавлился, и поймать такую воду удалось только нам.

— А если она обмелеет?

— Типун тебе на язык, — буркнул Доктор. — Нам это совершенно ни к чему.

— У меня есть нетактичный вопрос, — сказала Вероника.

— Задавай, — сказал Кэп.

— Как вам удалось получить эти снимки?

— Ха, — Лари расплылся в довольной улыбке, — это запрещенная тема.

— И тем не менее.

— Правила есть правила, — возразил Кэп.

— Хорошо, — согласилась Вероника, — подлинность

этих фотографий у вас сомнений не вызывает?

— Нет, — ответил Лари. — То, что ты видела, это работа отечественной метеостанции.

Но гораздо интереснее снимки американского спутника-шпиона. Они сделаны в разных спектрах и полностью совпадают с «нашими».

— Еще более интересно.

— Между нами говоря, — понизив голос до шепота, сказал Лари, — сейчас можно купить все, а если еще и знать, как это делается...

— Хватит болтать, — приказал Кэп. — Разговаривать будем на стоянке. Кто чай не пил, допиваем и готовимся к воде.

Он сделал из ладони козырек и, покрутив головой, хмыкнул:

— Надо же, погода портится. Поллитрук, Бурхану больше не наливать.

* * *

Через сорок минут Вероника облачилась в черный гидрокостюм и, с трудом соединив карабин спасательного жилета, стояла возле катамарана. Подходившие к кату на миг столбенели, гуляли ленивыми взглядами по обтянутым неопределенном стройным ногам, после чего говорили глупость, что-то вроде — «а жизнь-то налаживается».

Увидев команду, Кэп тактично кашлянул, подошел к Ве-

ронике и перетянул грудные крепления.

— Девушкам нужно посвободнее, — пояснил он.

Возможно, процедура слишком затянулась, потому что Лари с иронией сказал:

— Чё я не догадался?

Пошел мелкий дождь, ветер усилился. Река уже не казалась водной. Создавалось ощущение, что между скал течет поток расплавленного стекла.

— Если смоем, — тихо сказал Кэп, — ни за что не отпущай весло.

Вероника сразу же почувствовала, как у нее задрожали руки. Ей стало холодно. Подходить к воде, а тем более лезть в нее, совершенно не хотелось.

— Сразу же работай, — спокойно продолжал Кэп, — пока в спасике, ты такое же судно. Гребь до тех пор, пока не вынесет на берег.

— А если я не выгребу? — спросила Вероника и поняла, что ее голос дрожит.

— А куда ты денешься? Человек в такой воде дольше двадцати минут не живет, и гидражка тебе не поможет.

Вероника подумала, что уже не хочет сплавляться, не хочет гор, воды и приключений, а с удовольствием променяла бы это все на московские неприятности с вытекающей безопасностью и комфортом.

— Идем точно за Студентом, — объявил Кэп. — Левый баллон: Лари, Оля, Паша; правый — Доктор, москвичка, я.

Есть вопросы?

Вопросов не оказалось. Доктор перебрался на стоявший одним баллоном в воде кат и, заняв место носового, поднял весло. Очевидно, это означало, что посадка закончена, потому что кто-то хлопнул Веронику по каске. Она несколько раз глубоко вдохнула и в два прыжка оказалась на баллоне, с трудом втиснув колени в стремена.

— Надо было тебе раньше показать, — сказал внезапно появившийся Кэп. — Садись на подушку, ногами упрись, теперь одевай лямки.

— Не получается, — жалобно пропищала Вероника.

— А ты ремешки ослабь. Вот. Теперь получается?

Кэп затянул ремни, идущие вокруг бедер, и Вероника почувствовала себя уверенней.

— Лицо ополосни.

— Зачем?

— Ополосни водой, чтобы шока не было. Все готовы? Отчалили.

Паша последним вскочил на баллон и пристегивался уже на ходу. Кат быстро набрал скорость, его сигарообразные тела заскользили по воде. Почти сразу же он стал разворачиваться. Вероника увидела, как мимо нее скользнуло красное тело каяка. Студент что-то крикнул, зацепил веслом воду и послал ушат ледяных брызг. Реакция была разной: от визга восторга до недовольного ворчания. Доктор попытался ответить, но каяк уже лег в поток и, легко лавируя между волн,

оторвался от ката.

— Крутимся, — приказал Кэп.

Действия Лари и Доктора стали зеркально противоположны: если последний греб назад, то Лари работал вперед, это быстро разворачивало судно. Что происходило позади, Вероника не видела. Пашу закрывали многочисленные рюкзаки, привязанные к центральным перекладинам, оборачиваться к Кэпу мешала красная хоккейная каска. Она оказалась на два размера больше, и голова поворачивалась внутри, в то время как головному убору сильно мешал воротник спасжилета.

— Левый баллон!

Лари и Ольга ударили по воде. Кат почти выровнял курс, когда раздалась новая команда:

— Работаем все.

Вероника видела, как Доктор вонзил в воду короткое весло, как напряглась его спина и кат сорвался как прищипоренная лошадь. Она последовала его примеру, но опустила весло в то самое мгновение, когда Доктор уже заканчивал гребок. Трубки пересеклись, весло Вероники жалобно клюкнуло и полетело прочь.

— Держи! — крикнул Кэп.

— Весло! — закричал Доктор.

Черный плавник метнулся над водой, обогнал кат и поплыл дальше.

— Никому не дергаться! — закричал Кэп. — Проходим

на скорости.

Вероника, наконец, поняла, зачем они набирали скорость. Впереди стояла белая бочка воды. Она знала, что подобное явление вызвано неровным дном, грядой камней или ямой, в которой вода закручивается в причудливом вихре пены, встает холодным голубым факелом или превращается в воронку. Вероника видела бочки на фотографиях, видела их с берега, но никогда не думала, что это так страшно. Вода впереди кипела, взрывалась миллиардами тяжелых брызг и разлеталась серо-голубой картечью. Река производила оглушительный рык. Вероника больше не слышала Кэпа, хотя он не переставал что-то кричать.

Кат врезался в белую пену, и сидевшие впереди Доктор и Лари почти скрылись под водой. Вероника очень хотела закричать, но тут до ее сознания дошло, что она ничего не держит, руки свободны и не мешало бы за что-то схватиться и не дать воде вырвать себя из седла. Это длилось всего мгновение, потому что Вероника даже не успела подумать: за что? В лицо ей ударила тугая волна холода. Она поняла, что не может вдохнуть, и мысль, посетившая ее, казалась простой и понятной. «Вот и все!» Вероника сразу успокоилась. Ее голова, увлекаемая большой каской, запрокинулась назад, спасжилет поднял руки. Вероника видела себя в телевизоре, когда кто-то переключил канал.

По другой программе передавали Доктора. Его широкая спина, опоясанная оранжевым жилетом, то приближалась, то

отдалялась. В лицо Веронике летели капли, почему-то казавшиеся сухими. Она зачерпнула поток и, с трудом продев его между пластиковых ушей каски, жадно проглотила.

— Москвичка пить хочет, — крикнул Лари.

Он повернулся в пол-оборота и счастливо улыбнулся. Вероника подумала, что почему-то хочет его поцеловать. Чувство непонятной и неоправданной благодарности переполняло ее. Из горла летел восторженный визг, но она сначала его слышала, а уже затем поняла, что кричит.

— Школа юнг. Школа капитанов, — басом заорал Доктор.

Его никто не поддержал, потому что впереди показалась вторая бочка. Кат подскочил, вильнул и плюхнулся. Сидевших впереди обдало брызгами, но до Вероники долетели только мелкие капли. Она поняла, что больше не сидит на кате, а является его продолжением. Она больше не боится упасть, вода кажется прозрачной и легкой, дождь игривым, а погода солнечной. Так и было — солнечный луч ударил по волнам. Еще падали капли, но, как и бывает в горах, погода резко менялась. Изменилась и река. Она вильнула вправо и за поворотом разлилась в спокойную, на добрые пятьдесят метров, заводь. Катамаран плавно тормозил и плыл, как упавший в ручеек лист. Его медленно крутило, но никто не делал попыток выровнять курс или опустить весла.

— На, Москвичка, — Лари протянул плоскую фляжку, и, не раздумывая, Вероника отправила ее содержимое в рот.

Разведенный спирт сразу попал в желудок. Девушка не

почувствовала вкус, но в ее груди сразу затрепетало что-то теплое. Она поняла, что плечи немилосердно приплясывают. Даже не дрожат, а подпрыгивают. Сердце стучит в голове, и, если пошире открыть рот, то непременно выпрыгнет. Лари уже протянул руку, и Вероника, сделав второй глоток, вернула фляжку. Она посмотрела на Олю только потому, что Лари предложил ей выпить. Она отрицательно покачала головой и казалась совершенно спокойной, словно ничего не чувствовала.

«Жаль, — подумала Вероника. — Жаль, что я ей мешаю. Наверняка она давит в себе чувства, чтобы не делить их с Вероникой, потому что все-таки ревнует и не только к мужу. Ах, какие мы эгоистки. Не окажись рядом Вероники, все внимание непременно досталось бы Оле. Она бы находилась в центре, смеялась и кокетничала с командой, а в палатке прижималась к Пашиному плечу и всю ночь смотрела цветные сны, горячая как печка, посапывая и похрапывая». Чувство неоправданного альтруизма так захватило Веронику, что она открыла рот, чтобы сказать что-то хорошее или извиниться за свое невольное вторжение. Но возникший из ниоткуда студент крикнул:

— Москвичка! Ты ничего не потеряла? — он протягивал весло, очень глупо улыбаясь.

— Спасибо, Ганс, — ответила Вероника.

Она поняла, что пьяна. Но спирт тут ни при чем, а вот эйфория очень цветная и чистая. Студент действительно по-

ходил на Ганса. Серая каска, студенческие очки и спасательный жилет почему-то делали его похожим на немецкого танкиста. Он довольно прищурился, махнул веслом и через несколько секунд оказался впереди ката.

— Старайся повторять движения Доктора, — крикнул Кэп. — Просто махай весло в воду.

— Хорошо! — Вероника изогнулась, но Кэпа так и не увидела.

Ей показалось, что она согрелась, во всяком случае, дрожь прошла. Руки крепко сжимали алюминиевый шест, а движения становились уверенными и плавными.

— Ничего на свете лучше не-е-ту, — запел Паша на мотив «Бременских музыкантов».

— Чем отделать гопника касте-е-том, — присоединились Доктор и Лари.

— Мусоров отряды голубые, — пели все хором.

— Поцелуйте в жопу нас, родны-ы-е.

— По-целуйте в жопу нас, родны-ы-е.

* * *

Когда Вероника почувствовала под ногами твердую почву, ее зубы отплясывали танец с саблями. Она совершенно замерзла, ноги затекли от однообразной позы, а спину ломало, как после тяжелых физических упражнений. Девушка пьяно отплясывала на каменистом пляже, пытаясь снять

каску. Когда она покончила со спасжилетом, группа уже вынесла из воды кат и распаковала гидромешки. Суета царила на небольшой каменистой отмели, и Вероника казалась себе самой бестолковой.

— Пойдем, — потянул ее за руку Кэп.

Вероника плохо воспринимала происходящее, поэтому подчинилась без особых капризов. Она подошла к растеленному на камнях коврику и брошенному спальнику. Спальник был ее. Веронику слегка удивило, что кто-то мог копаться в ее вещах, но Кэп потянул за молнию гидрокостюма, и мысль запуталась в запахе прелой резины.

— Фу, какая вонища-а, — удивилась девушка.

— Так и должно быть.

Плечи Вероники обожгло ветром, а Кэп совершенно некстати стал растирать ее мокрым полотенцем. Очень скоро он поднял полуторалитровую бутылку и, набрав в ладонь жидкость, стал растирать ею тело девушки. Жидкость обожгла, но снова холодом, и, пока Кэп растирал кожу до тепла, Вероника скрючилась и жалобно пищала.

— Все. Снимай трусы.

Фраза вывела из оцепенения. Вероника, наконец, поняла, что на ней давно нет лифчика, а команда, за исключением Оли, только делает вид, будто не смотрит в ее сторону.

— Ну, чего вылупились? — спросил Кэп.

Доктор и Лари стыдливо опустили глаза, а невозмутимый Студент крикнул:

— Внутрь ей дай.

Кэп словно ширму держал Вероникин спальник, не то отгораживаясь, не то предлагая в него укутаться.

— Ну, — приказал он хмуро.

Вероника стряхнула с себя черные стринги, уже не понимая, кто она и что происходит. Удушливая волна подкатила к горлу, девушка нерешительно шагнула в объятия Кэпа, и он поднял зажужжавшую молнию.

— Жжжжж! — пьяно промычала Вероника.

— Сейчас станет тепло, — пообещал Кэп.

Вероника увидела, как небо наклонилось. Сильные руки положили ее на коврик. Тяжелый тент лег сверху. Она закрыла глаза, и звуки стали далекими и тихими. Сердце бешено колотилось, и собственное дыхание казалось сухим и чистым. Вероника прислушивалась к своим ощущениям. Порой ей казалось, что она абсолютно счастлива, иногда, что она смертельно устала и разбита. Кожа горела, от нее исходил устойчивый дух алкоголя. В конце концов, в спальнике стало жарко, и, расстегнув молнию, Вероника выглянула из-под тента.

Она увидела Кэпа, затем Олю. Оля переделалась в большие пуховые штаны и черную с серыми рукавами куртку.

— Где соль? — спросил Кэп.

Оля что-то ответила, гораздо тише, чем спросил Кэп. И в этом очень простом вопросе Вероника уловила непонятные, почти невероятные нотки, которых раньше не слышала.

— Он спал с ней, — почему-то решила Вероника.

Этот вывод был таким простым и очевидным, что Вероника хмыкнула.

— Трахался с ней на каждой стоянке, пока не появился Паша, которого тут же окрутила Оля, а Кэп этому не препятствовал, потому что ему надоела мужеподобная девочка, а ей — вечно странствующий по юбкам самец.

Вероника прикусила губу. Она не понимала, почему сделала такой вывод. В том, что она решила, не было никакой логики или здравого смысла, но она была уверена, что это так, как пьяный понимает очень сложное рассуждение, добраться до сути оного в трезвом состоянии он не способен.

— Я наверняка пьяна, — решила Вероника. — Кэп натер меня спиртом, и сейчас он проникает в кожу.

Она вновь посмотрела на Ольгу. Картинка казалось яркой, но как бы размытой. Она больше не была понятной, и Веронике вновь охватил приступ любви. Кэп и Ольга стали самыми родными. В мире больше не существовало людей, ради которых Вероника готова была на все. Теперь ее грызла совесть за те мысли, которые еще минуту назад приходили сами собой.

— Зачем я? — спросила девушка.

Вопрос оказался заданным вслух, и по вибрации в голосе Вероника подумала, что это не она.

— Где я?

Она вспомнила слова студента, обещавшего, что Веро-

ника забудет и страх, и любовь. Так и вышло. Лежавшая в спальном мешке обнаженная девушка уже не была Вероникой. Она словно сбросила кожу, стала то ли царевной, то ли лягушкой. Все зависело от того, кем она была до этого. Но Вероника этого не помнила. Она окончательно забыла, что было с ней раньше, и в мире не существовало ничего, пока она не вышла к поезду.

* * *

Наверное, она заснула. Она не видела, как к ней подходили, и не помнила, как появился студент. Последний нежно тряс Вероникино бедро и даже не тряс, а похлопывал:

— Москвичка, москвичка, вставай.

— Что? — спросила Вероника.

— Одевайся, пошли ужинать.

Перед девушкой лежал ее рюкзак с заботливо открытым клапаном.

— Я сейчас.

— Может, тебе посветить? — спросил студент.

— Не надо, — Вероника только теперь заметила, что стемнело.

Сумерки уже упали на реку, но розовый свет перистых облаков еще таял в вышине.

Вылезать из спальника оказалось очень холодно. Воздух уже остыл, и после теплого мешка Вероника быстро замерз-

ла.

— Ну, — сказал Лари, протягивая кружку, — с боевым крещением.

— Брр, — поежилась Вероника, — за вас.

Традиционное бряцанье кружек. Традиционное молчание. Традиционное «еще». Традиционное «ты же лопнешь, деточка». Каждый вечер начинается одинаково. Ни один не повторяется дважды. Через десять минут Доктор пытается вспомнить, что же такое торсионное поле. Еще через минуту об этом забывают, разговор петляет, находится общая тема, и вот уже Паша становится «говорящей головой». Он рассказывает повесть Кинга, настолько жуткую, что она не идет ни в какое сравнение с оригиналом. Вероника понимает, что читала что-то подобное, только когда история рассказана и как бы невзначай Паша вспоминает место, где события происходили.

— Кстати, — вспоминает Вероника, — вы обещали рассказать про черного каякера.

— А хочешь ли ты об этом услышать? — спросил Доктор.

— Паша мне все равно расскажет.

— Конечно, расскажу, — соглашается Паша, — но советую предварительно пописать.

Как по команде все, кроме Паши и Оли, встают. Они отходят от костра и возвращаются слишком быстро, но этот ритуал выглядит смешно.

— По одной горной речке, — начинает Паша, — плыл ка-

якер. И был он рафтер опытный, снаряжен отменно, лодка его была прочна, а весло длинно. Долго ли он плыл или коротко, да вот только замочил он спички. А без спичек как на сплаве? Никак. Ни тебе табачку закурить, ни на дневку встать.

— Ты же сказал, что он рафтер был опытный.

— Опытный, — подтвердил Паша. — И каждый раз, когда он на сплав шел, упаковывал коробку в гидромешок. Однако была у него еще и кукла.

— Какая кукла?

— Надувная кукла в полный человеческий рост. Каякер ее брал для большей плавучести и так, чтобы на стоянках нескучно было. Вот. Однажды порвался у него гидромешок, а заплатку поставить нечем, забыл он дома ремкомплект.

— Ты же сказал, что он был опытный, — возмутился Доктор.

— Был, — подтвердил Паша, — но его ремкомплект теща спрятала, чтобы он на речку не ходил.

— А он все-таки пошел? — спросил Доктор.

— Конечно, пошел. И, когда мешок порвался, он его куклой заклеил и самым что ни на есть срамным местом. Не знал каякер, — нравоучительно вознес палец Паша, — что то место и без того дыряво.

— Ну, ты и врать, — возмутился Доктор, — чем же он с ней на стоянках занимался, если таких элементарных вещей не знал?

— Как чем? — продолжил Паша. — Ясное дело, спирт пил да разговаривал. Кукла, она ведь пила наравне и никогда не рыгала, а возразить против беседы тоже не могла. А ты чего подумал?

— Я подумал, почему он заплатку с другого места не срезал?

— Известное дело, — развел руками Паша, — он же ее девушкой взял. В прокат никому не давал, на острые предметы не ложил.

— Клал, — возразил Доктор.

— И не клал тоже. Главное, что протек его гидромешок и замочил он таки спички. А делать-то нечего, не оказалось больше спичек — ни в заднем кармане, ни в кепке. Вечер наступает. Курить хочется, а на воде, как назло, ни души. Решил тогда каякер в деревню сходить. Недалеко, метрах в пятистах, даже слышно было, как самогон варят и сало коптят. Но не тащить же лодку по кустам, так ведь можно и каяк поцарапать, а каякер был аккуратный, поэтому он свои вещи спрятал за большим камнем, а чтобы понятно было, что скоро вернется, — рюкзак оставил.

— Так ведь упрут.

— Кто же упрут, если ни души и даже прикурить не у кого? — спросил Паша.

— А-а, — махнул Доктор.

— Вот.... Что там дальше было? А... Пошел каякер в деревню, а пока он ходил, его кукла вылезла из мешка и как

зашвырнет весло на середину. Каякер самогонку глушит, а его весло тю-тю. Он пришел, где весло? Нет. Кто взял? Никого не было. Следов нет, значит, свои. Достал он тогда надувную куклу и стал резать на мелкие куски. Жалко ему было, но ничего не поделаешь. Так вот резал и плакал, плакал и резал, а наутро сжег. Но кукла была резиновая и коптила очень, так что каякер весь прокоптился и стал черным.

Вокруг костра стало тихо. Шум воды перебивал потрескивающие сучья, и Вероника подумала, что сидела бы здесь вечно и слушала дурацкие истории. Было так спокойно и хорошо, что совершенно не хотелось нарушать возникшей тишины.

— А дальше? — спросил студент.

— А что дальше? — спросил Паша зевая. — Утонул он. Кто же выгребет без весла.

— Во дурак, — лениво сказал Доктор.

— Может, и дурак, — нравоучительно сказал Паша. — Только ходит он по берегу и спрашивает всех: «Где мое весло? Где мое весло?» И если не ответить ему: «Вот твое весло!», и не стукнуть его по каске, то обязательно утащит под воду.

— Давайте спать, — предложил Кэп.

— Не, — возразил Доктор. — Я теперь точно не засну.

* * *

— Доброе утро, — сказала Вероника.

— Утро добрым не бывает, — возразил опухший Лари.

Он засовывал свой спальник в гидромешок, но получалось плохо.

— Не выспался?

— Нет, — раздраженно ответил парень.

— А я так хорошо спала, — потянулась Вероника.

— С кем?

— Ну тебя.

— Лари, что ты возишься? — Кэп снова был не в духе.

— Я это... Ну, короче, ты понял.

— Нам надо поговорить.

— Нам троим? — удивился Лари.

— Нам троим, — согласился Кэп.

— Тогда давайте поставим палатку.

— Лари, — Кэп нахмурился, — я не хочу, чтобы Москвичка шла дальше.

Вероника от удивления открыла рот:

— Я вам мешаю? — спросила Вероника высоким голосом.

— Я не хочу, чтобы ты шла дальше, потому что у нас возникли проблемы.

— Она легкая, — возразил Лари.

— Она легкая и ты легкий, поэтому вам не будет тяжело.

— Нашел дурака.

— Лари, это не просьба, — настаивал Кэп.

— Да что случилось? — взмолилась Вероника.

— Посмотри на воду, — сказал Кэп. — Видишь берег?

Вчера эти камни были под водой, сегодня уровень понизился. Впереди сложный участок, и я хочу, чтобы вы обнеслись. Мы можем застрять, а когда это произойдет, придется разбирать судно и выносить его по тайге.

— Кэп, ты гонишь. Мы сегодня пойдем вдоль хребта, самый классный участок, самый цимус, а ты нас обламываешь.

— Лари, если я вас не отпущу, мы окажемся в семидесяти километрах от ближайшей лампочки.

— Ну и что? Никто у нас рожать не собирается, все здоровы.

— А если мы сядем?

— А если нет? — переспросил Лари.

— Подождите, — возразила Вероника. — А что значит вся ваша спутниковая разведка? Таяние снега, семьсот тысяч тонн воды?

— Решение принято, — спокойно сказал Кэп.

— Какое право ты имеешь решать за нас?

— Я за вас отвечаю.

— Я сам за себя отвечаю, — возразил Лари.

— И за нее тоже, — Кэп кивнул в сторону Вероники.

— У нее своя башка.

Разговор превращался в склоку.

— Доктор, — крикнул Лари, — почему я? Паша, гад, почему ты молчишь?

Вероника почувствовала себя куклой, бездушным существом, чью судьбу решили заочно, потому что какой толк разговаривать с глупой игрушкой?

— Я хочу, чтобы мне вернули деньги, — сказала Вероника.

Ее рюкзак стоял на камнях, подпертый снаряжением Лари.

— Я верну, — пообещал Кэп.

— Немедленно, — сурово требовала Вероника.

— Сейчас у меня нет, но когда вернемся...

— Кэп, — Доктор взял его за руку. — Можно на два слова?

Кэп отвернулся от Вероники, и Доктор запыхтел на ухо:

— Кэп, посмотри на воду, — он сделал едва уловимый кивок головой в сторону речки. — Прибывает водичка.

— Ну...

— Что ну? Кэп, ты чего? Звездная ночь, тепло ушло в стратосферу. Теперь таяние началось, уровень поднимется.

— Док, дело не в этом...

— А в чем?

— Как тебе сказать? — Кэп виновато поднял глаза. — Я боюсь.

— Не понял? — Доктор поднял брови.

— Предчувствие у меня плохое.

— В смысле?

— В прямом смысле. Сегодня утром пошел по нужде и

чувствую, что кипятком писаю.

— Хм, — по лицу Доктора гуляли маски удивления и смущения. — Ты что, Кэп, на пенсию захотел?

— Лечи, лечи меня, Доктор.

— Ну, давай по пунктам, — рассудительно сказал Доктор.

— Вот только этого не надо, а? Док, я знаю, что все нормально, знаю, что все продумано и есть еще порох в пороховницах, а ягоды — в ягодицах.

— Короче, ты сам объяснить не можешь.

— Не могу, — согласился Кэп.

— Тогда я вот что тебе скажу. Сколько мы с тобой ходим?

— Шесть лет, — сказал Кэп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.